

Оказалось, мы уже подошли к воротам Восточного рынка. Если на улицах было оживлённо, то здесь шум стоял в несколько раз громче. Конечно, в каждом квартале были свои винные лавки, продовольственные магазины, ткацкие ряды, но здесь всё было по-иному. Вино продавали в кабаках, погребах, наливали прямо у печей, торговали в башнях и дворах. Еду — в пирожковых, кондитерских, у торговцев лепёшками на масле, жареными лепёшками, тана-ху, бирло. Ткани делились на шёлк, парчу, тонкий шёлк, чесучу, атлас, шёлковые нити, узорчатые ткани, вышивку со всех концов света. На рисовом рынке торговали рисом, просом, пшеницей, шелушёным рисом, белым рисом высшего сорта, обычным белым рисом, мукой, лапшой. В «рядах ртов и коней» продавали людей всякого рода, лошадей, ослов, быков, мулов, верблюдов — говорили, иногда можно было купить даже слона. Покупать слона мне не хотелось, зато я поразилась, увидев, что людей торгуют наравне со скотом. У входа, зазывая покупателей, стояли несколько человек — почти все полуголые, истощённые до костей. Я не удержалась и зашла внутрь. Там было множество рабов, почти моих ровесников, а то и младше: и местные, и выходцы с запада, и тибетцы, и турки, и южане, и карлики.

В этой лавке цены были чётко обозначены — у каждого на голове висела бирка. Дешевле всех стоили старики — одного можно было купить за одну-две связки. Дети — десятилетнего ребёнка отдавали за несколько кусков шёлка. Чем старше и крепче — тем дороже. Самыми же дорогими были западные танцовщицы, карлики и кулуны — за них просили тысячи и десятки тысяч кусков шёлка.

Увидев этих людей, Ли Шэн тоже сжалился и со вздохом сказал мне: «Несколько лет подряд неурожай — рис дорог, люди дешёвы. В этом году цены вдвое ниже прошлогодних, а в прошлом году — лишь десятая часть цен позапрошлого. А вот на карликов, кулунов и западных танцовщиц цены год от года растут. Эх...»

Меня внезапно охватила досада, и я тихо сказала: «Братец, глядя на них, ты думаешь только о том, дороги они или дешёвы? Разве не о другом надо думать? Они ведь тоже люди, а их, как скот, тут продают. Ты считаешь это правильным?»

Ли Шэн опешил, нахмурился: «Здесь продают не добропорядочных простых людей, а рабов, служанок, наложниц. Торговля ими — дело обычное.»

Вэй Чэнцин, видимо решив, что мне нужно разъяснить, с улыбкой добавил: «Ещё в прошлые годы, когда Святой Император устанавливал законы Великой Тан, было определено, что наложниц и ниже можно продавать. Служанки же, будучи дочерьми лично-зависимых, при освобождении следуют тому же правилу.»

Эти слова больно ранили меня.

Матушка запрещала мне быть слишком близкой с Вэй Хуань, используя выражения вроде «холопское отродье». Разумеется, в её глазах и Цуй Миндэ, и Вэй Хуань, и Туаньэр, и Ваньэр — все они, независимо от происхождения, облика или талантов, были одинаковыми «игрушками», которых можно призвать и прогнать. Но это ничуть не мешало миру классифицировать их по знатности рода, положению, чистоте крови. Вэй Хуань страдала в родном доме, не могла выбиться вперёд у меня на глазах, многие смотрели на неё свысока — и всё из-за этого проклятого происхождения! Мой «добрый» отец установил законы Тан, заявив, что «наложниц можно продавать», а «рабынь приравнять к скоту». И вот дети наложниц, как Вэй Хуань, оказались меж господином и рабом. В конце концов, если докопаться до самых корней, и наш род Ли не так уж знатен был, но разве мы не завоевали Поднебесную? Дедушка торговал лесом, а матушка начинала как императорская «наложница» — и что же? Стала Тяньхоу, а в будущем, весьма вероятно, станет императрицей Цзэтянь! Отец установил «Родословие

знатных родов» — и пять знатнейших фамилий, семь домов тут же скатились с первого разряда на третий. Пройдёт несколько десятков или сотня лет — и они станут самыми обычными семьями. Чего же тут чваниться? И зачем так унижать других?

Именно из-за таких, как они, которые вечно и повсюду твердят о знатности рода и чистоте крови, А-Хуань и дошла до нынешнего состояния. А-Хуань ведь была со мной очень добра. Это из-за них она стала такой.

Видимо, моё лицо слишком ясно выдавало мои мысли, потому что Ли Шэн и Вэй Чэнцин оба опешили. Ли Шэн потянулся было утешить меня, но я резко отвернулась. Будь на его месте Ли Жуй, я бы, наверное, уже пустилась наутёк.

Ли Шэн горько усмехнулся: «Братец знает, у тебя доброе сердце. Я специально привёл тебя сюда, чтобы доброе дело сделать, не волнуйся.» Он переглянулся с Вэй Чэнцином, тот кивнул, подозвал работорговца, что-то тихо сказал ему и выкупил всех людей в лавке, кроме танцовщиц, иноземцев, карликов и кулунов. Поскольку сумма была немалая, а Ли Шэн не желал привлечь внимания, он расплатился не шёлком, а золотыми и серебряными слитками. Увидев казённые слитки, работорговец понял, что перед ним особа высокого положения, и не посмел сильно занижить цену. Отпуская людей, он каждому вручил по мешку проса. Ли Шэн отрядил двух воинов проводить их, а затем повёл меня в другую лавку, где поступил точно так же.

При виде этого моё поведение стало казаться мне капризным и неблагодарным. Смутившись, я спросила: «Братец, а куда ты всех этих людей определишь?»

Ли Шэн улыбнулся: «Большинство из них — беженцы от неурожая. Нынче рис дорог, люди дешёвы, и даже те, кого продали в рабство, часто умирают с голоду. Иногда я прогуливаюсь здесь, выкупаю их и отправляю в монастыри и храмы — пусть там обустроиваются. Считаю, благое дело творю.»

Я сказала: «Братец, ты наследный принц, управляешь государственными делами. Устрой хорошее пособие пострадавшим — и скольких спасешь! К чему тебе такие дела? Ты один — много ли поможешь?»

Ли Шэн покачал головой: «Пособие — это одно, а я... я один многого не могу, но спасти одного человека всё же лучше, чем не спасти никого.»

Пока он говорил, я заметила, как воины, что растворились в толпе, закупали на Восточном рынке просо, выносили его наружу и раздавали попрошайкам. К счастью, в Восточной столице беженцев было не так уж много, и вскоре все нищие на рынке получили свою долю.

Затем Ли Шэн повёл меня в монастырь Цыэньсы и пожертвовал туда все оставшиеся деньги и зерно. Видя его щедрость, я сказала: «Когда вернёмся, я тоже дам тебе денег, братец. Пожертвуй и от моего имени.»

Ли Шэн усмехнулся: «Да сколько у тебя там? Разве что-то изменится? Не надо.»

Я подумала, что он не просто так вытащил меня сегодня и показал всё это, и, уцепившись за его руку, спросила: «Как ты сам сказал — хоть что-то, да лучше, чем ничего. Или... ты хочешь, чтобы я сделала что-то ещё?»

Ли Шэн не заметил моей уловки. Он взглянул на меня, помедлил и наконец сказал: «Сыцзы... если ты хочешь помочь этим беженцам, поговори с отцом и матушкой, уговори их остановить

строительство дворца Шанъян. Не нужно тебе особо упрашивать — просто когда я буду докладывать, скажи пару слов вроде «беженцы несчастны». Матушка всегда тебя баловала. Если я попрошу, а ты поддержишь — возможно, выйдет.»

Я не знала, что ответить.

Ли Шэн не стал настаивать. В этом он отличался от Ли Жуя. Если Ли Жуй чего-то хотел, он любыми способами — угрозами или посулами — добивался своего, и не успокаивался, пока не получал желаемого. В своей настойчивости, в упорстве до победного конца он был очень похож на матушку, только упорство это направлял совсем не туда. Ли Шэн же, хоть и воспитывался с детства как будущий правитель, был куда терпеливее и снисходительнее нас обоих. Даже обращаясь ко мне, которая была и подданной, и младшей, он оставался мягким и не давил. Думаю, даже если он не станет великим правителем, хорошим императором он будет точно. Жаль только, что он сын матушки.

Я была твёрдо уверена: матушка в будущем станет той самой императрицей Цзэтянь. Хоть сейчас она ещё слушается отца, и многие сановники выступают против её вмешательства в политику, я верила: женщина, сумевшая в другом, схожем мире выжить в кровавой схватке и шаг за шагом взойти на престол, — даже сменив время и место, сможет сделать то же самое. Как и я, ничем не примечательная в том мире, оказавшись здесь, стала всего лишь бестолковой принцессой, прозябающей в праздности. А такой императрице, как она, уж точно не нужен наследник вроде Ли Шэна.

Ли Шэна либо низложат, как двух младших сыновей императрицы Цзэтянь в том мире, либо... он умрёт рано, как её старшие сыновья.

С тяжёлым сердцем вернулась я на террасу Личунь. Возможно, из-за недавних чисток, снаружи всё выглядело необычайно упорядоченно: больше не было видно, как мелкие служанки и евнухи резвятся и толкаются, никто не выглядывал украдкой из-за ворот. Переступив порог, я увидела, что дежурные евнухи почтительно склонились и невозмутимо доложили: «Госпожа вернулась.»

<http://bllate.org/book/16278/1466277>